

Натэлла Войскунская

АРХИТЕКТУРНЫЙ ГРИНПИС

Выставка
«Потерянный авангард:
советская модернистская
архитектура. 1922–1932»

В нью-йоркском Музее современного искусства (МОМА) известный фотограф, исследователь мировой архитектуры Ричард Пэйр представил американской публике одну из интереснейших страниц советского архитектурного модернизма в 75 фотографиях, от-

бранных из почти 10 тысяч, сделанных им начиная с 1993 года. В организации этой выставки принял участие Фонд содействия сохранению культурного наследия «Русский авангард» во главе с сенатором Сергеем Гордеевым.

◀ Шаболовская радиобашня.
Ул. Шаболовка,
Москва.
Арх. Владимир Шухов.
1922

◀ Shabolovka Radio Tower.
Shabolovka Street,
Moscow, Russia.
Vladimir Shukhov.
1922

Дом культуры
им. С.М.Зуева.
Ул. Лесная, 18, Москва.
Арх. Илья Голосов.
1926

Zuev Workers Club.
18 Lesnaia Street,
Moscow, Russia.
Ilya Golosov. 1926

Экспозиция вызвала неподдельный интерес и у специалистов, и у многочисленной разноязыкой публики, которая буквально «прилипла» к огромным цветным фотографиям шедевров советской архитектуры, за немногими исключениями – обшарпанных, разрушающихся или уже почти полностью разрушенных. Что же так задевало равнодушных зрителей: удивление? восторг? здоровое любопытство? нездоровое любопытство? сострадание к исчезающей натуре? интерес к «другой» жизни?..

Видимо, все вместе взятое. Каждый снимок сопровождался подробной аннотацией с указанием места и времени создания сооружений и, конечно, сведениями об авторах проектов. Описания читали все или почти все посетители выставки. То здесь, то там слышалась русская речь и порой радостные восклицания (как у меня): «Вот соседний дом!» (про московский дом Моссельпрома, построенный в 1923–1924 годах Давидом Коганом и расписанный по макету Александра Родченко) или «Смотри, Азернешр!» – так бакинцы называли Дом печати, возведенный по проекту Семена Пена в 1932 году (в нем долгие годы работал мой отец). Кто-то узнавал и вспоминал «свой» Харьков или Киев, Баку или

Natella Voiskounski

A JOURNEY OF ARCHITECTURAL DISCOVERY

“The Lost Vanguard” Exhibition: Russian Modernist Architecture 1922–1932

The exhibition of work by Richard Pare in New York’s Museum of Modern Art features one of the most immediate and tragic phenomena in the history of Soviet (and Russian) modernist architecture. The exhibition “The Lost Vanguard” highlights some 75 photographs by the architectural photographer Richard Pare, who has worked from 1993 to the present day, making eight extensive trips to Russia and the former Soviet republics and creating nearly 10,000 images to compile a timely documentation of numerous modernist structures, including the most neglected. The exhibition was made possible by the Russian Avant-garde Fund and Senator Sergei Gordeev, its founder and president.

The exhibition of work by Richard Pare in New York’s Museum of Modern Art features one of the most immediate and tragic phenomena in the history of Soviet (and Russian) modernist architecture. The exhibition “The Lost Vanguard” highlights some 75 photographs by the architectural photographer Richard Pare, who has worked from 1993 to the present day, making eight extensive trips to Russia and the former Soviet republics and creating nearly 10,000 images to compile a timely documentation of numerous modernist structures, including the most neglected. The exhibition was made possible by the Russian Avant-garde Fund and Senator Sergei Gordeev, its founder and president.

Моссельпром. ▶
Калашный переулок,
Москва.
Арх. Давид Коган.
1923–1924

Mosselprom ▶
Kalashny Lane,
Moscow, Russia.
David Kogan, 1923–24

Здание Госпрома.
Площадь
Дзержинского,
Харьков, Украина.
Арх. Сергей Серафимов, Марк Фельгер,
Самуил Кравец, 1929

Gosprom Building
Dzerzhinski Square,
Kharkov, Ukraine.
Sergei Serafimov,
Mark Felger,
Samuil Kravets. 1929

Needless to say this show stimulated great interest from both experts, and from the general public which – as is always the case at MOMa – proved both numerous and international. The viewers were captivated by the large-size colour photos of real masterpieces of Soviet architecture, in most cases almost destroyed by time, weather, negligence and ideology. What made it so interesting to the interested public? Surprise, or curiosity? A discovery of another life and lifestyle? Most probably, all of those factors. Each photograph was given special commentaries on the place and time when the buildings concerned were erected and of course, with detailed notes on the architects. These commentaries made such a valuable addition to the visual material that sometimes viewers had to wait for their turn to come closer and be able to read the text.

One could occasionally hear Russian speech, including exclamations like that of this writer, “Look, it’s the house next to ours!” (this referred to the Mosselprom built in 1923–1924 by David Kogan and decorated according to the colour scheme and graphics of

МОГЭС.
Раушская наб.
Москва.
Арх. Иван
Жолтовский.
1926

MoGES
Raushskaya
embankment,
Moscow, Russia.
Ivan Zholtovski.
1926

Alexander Rodchenko), or "Oh, it's Baku, it's Azerneshr": that is how the Palace of the Press was called by all those who lived in Baku – the capital of Azerbaijan. My father worked there for many years. This edifice was built to a project by Semen Pen in 1932.

Some recognized Kharkov or Kiev, others Baku or Nizhny Novgorod, Ekaterinburg or St. Petersburg, Zaporozhie or Ivanovo, Sochi or Moscow... Viewers would even remember a communal apartment – its colourful picture

vividly demonstrating the shabby existence of its elderly inhabitants like a screaming splash on the wall.

The name of Richard Pare is known to the Russian public – to photographers, architects and interested viewers: in 2001 Muscovites had the opportunity to see Pare's exhibition "Russian Constructivism: A Province" in the framework of Yuri Avvakumov's project "24".

It seems all Richard Pare's previous activity – his albums "Photography and Architecture 1839–1939", "The Colours

of Light. Tadao Ando Architecture", "Egypt. Reflections on Continuity" – have made him a leading name in architectural photography. He determines the significance of architectural subjects for the art of photography and the significance of the art of photography for history of art. He thus might be titled an "architectural) photographer"... He received the AIA monograph award for "Tadao Ando: The Colours of Light", which was published in 1996.

What was shown at the 2001 Moscow exhibition "Russian Constructivism: A Province" might be regarded as a witness to an epoch – and a verdict on it. As Yuri Avvakumov put it, "major architectural works of universal significance have been erased to such an extent that one should take pains to recognize the former heroes in them." The Soviet avant-garde was totally defeated – in visual arts, in literature, in the theatre and in architecture – and not due to a certain sequence of changes in styles, but forcefully, deliberately, and cruelly. Many Soviet avant-garde artists and architects, men of letters and producers were killed – some literally, some by being completely ignored, and their works were neglected, consigned to or simply buried in oblivion.

Buildings, apartment houses, industrial structures – those architectural monuments of the 1920s and 1930s cannot be made invisible: no ideology can forbid viewing them. The Soviet ideologists followed their own methods: no need to destroy – just neglect, and weathering and erasure alongside the merciless path of time will swallow up such "inimical" constructions. Or bring to life other methods: marginalize them and change their image to an unrecognizable extent... Faded colours, crashed steel constructions and broken concrete, plus reconstructions and random additions – such was the verdict on the once glorious, if not ever great, epoch of revolutionary creative activity and professional craftsmanship.

Richard Pare says he has felt the otherness of Russia for most of his life. He started to study this Russian "otherness" in 1993 when he came to Moscow looking for the legacy of the modernist architects who believed in "the idea of creating a new way of life in a new society". Curiosity and knowledge were his guides in his travels through the former Soviets republics and Russian regions. The result was really amazing. This architect-photographer managed to do something absolutely unexpected – he made specialists and connoisseurs look at Russian modernist architecture from a new perspective, to re-consider and re-open architectural achievements from the period of post-revolutionary construction which seemed so promising, but turned to be a "lost vanguard"...

ДнепроГЭС.
Запорожье, Украина.
Арх. Александр
Веснин, Николай
Колли, Георгий Орлов,
Сергей Андриевский.
1927–1932

DneproGES, Dam and
Power Station
Zaporozhzie, Ukraine.
Aleksandr Vesnin,
Nikolai Kolli, Georgy
Orlov, Sergei
Andrievski.
1927–32

Нижний Новгород, Екатеринбург или Петербург, «свое» Запорожье или Иваново, «свою» Магистру или Москву, а некоторые даже и конкретные коммуналки, в которых жили или когда-то бывали, тем более что одна из них была запечатлена и представлена в экспозиции красочно, во всех своих неподражаемых интерьерных и, увы, бытовых деталях...

Американский журнал «Форбс» назвал «Потерянный авангард» выставкой-исследованием Ричарда Пэйра, имя которого хорошо знакомо российским ценителям архитектуры. В 2001 году в Москве в рамках кураторского проекта Юрия Аввакумова «24» с успехом прошла его выставка «Русский конструктивизм: провинция». Казалось, вся предшествующая деятельность Пэйра подготовила его к работе на необъятном постсоветском пространстве: издав альбом «Фотография

МОГЭС
Раушская наб.
Москва.
Арх. Иван
Жолтовский.
1926

MoGES
Raushskaya
embankment,
Moscow, Russia.
Ivan Zholtovski.
1926

и архитектура 1839–1939», он более других сделал для определения значимости архитектурных сюжетов в искусстве фотографии и, наоборот, значимости искусства фотографии в истории архитектуры. Наверное, его вполне можно торжественно именовать «архитектурным) фотографом»... В 1990 году Пэйр опубликовал итог своей двухлетней работы в Африке – монографию «Египет. Размышления о непрерывности», в которой, если вторить Осипу Манделштаму, исследовал «египетскую мощь христианской робостью»... В 1996 году Американский институт архитекторов присудил ему награду за монографию «Цвета света: архитектура Тадао Андо» о творчестве известного японского мастера. Так что по сумме свершений и заслуг Ричард Пэйр действительно «архифотограф».

Экспонировавшиеся в 2001 году на московской выставке «Русский кон-

структивизм: провинция» фотографии Пэйра – и документ эпохи, и одновременно приговор ей. Прав Аввакумов, говоря: «Шедевры мировой архитектуры состарились настолько, что для опознания в них бывших героев требуются особенные усилия». Усилия, надо признать, уже сейчас требуются едва ли не героические. Недоброй волею времени и людей советский авангард оказался побежденным, причем повсюду и повсеместно – в изобразительном искусстве, литературе, театре, архитектуре... И виной тому не просто закономерная – а как иначе? – смена стилей. Не стоит забывать, сколь многих авангардистов насильственным образом уничтожили или «перевоспитали», а их творения попросту изыали из обихода, спрятали, а то и сожгли, причем о них было строжайше велено забыть.

Постройки – несколько особая статья: ломать иной раз жалко (это, как

The exhibition at MoMa opens with the Shabolovka Radio Tower – it is also on the cover of the catalogue devoted to the “Lost Vanguard”, a publication more comprehensive than the exhibition itself. Muscovites will recognize MoGES, by Ivan Zholtovsky built in 1926; the Izvestia building by Grigory Barkhin and Mikhail Barkhin, erected in 1925–1927; the Zuev Workers Club by Ilya Golosov from 1926. But they will never recognize the ruins on Novinsky Boulevard as the famous Narkomfin Communal House. Internationally known structures were represented too, among them some special masterpieces by such classics of architecture as Konstantin Melnikov, the Vesnin brothers and Le Corbusier. The Moscow modernist structures appeared to be so numerous that they would have made a special publication in themselves: the Rusakov Club, AMO Automobile Factory, Lenin State Library, the Student Housing of the Textile Institute, Centrosoyuz building, VTsIK Residential complex, the Pravda building, and Kauchuk Factory Workers club, just to mention a few. The Melnikov House and Lenin’s Mausoleum were

Дворец печати.
Площадь Низами,
Баку, Азербайджан.
Арх. Семен Пен. 1932

Palace of the press
Nizami Square, Baku,
Azerbaijan.
Semen Pen. 1932

accorded so many details that they formed a separate exhibition within the format of the wider one.

As for St. Petersburg, Pare proves highly original: there is no Winter Palace or Mikhailovsky Castle, no Stroganov Palace or world famous views of the Neva, nor of Nevsky Prospect – nothing of the kind. In Russia’s northern capital he found something really very different from the elegant beauty of the 18th century European style architecture; he was attracted by shabby communal houses, workers clubs, sometimes no longer in use, and old industrial constructions... Pare featured the Red Banner Textile Factory, built in 1925–1927 (architect Erich Mendelsohn), the Tractor Street Workers’ Housing, built in 1927 (architects Alexander Nikolsky with Alexander Gegello and Grigory Simonov), the Kirov Palace of Culture, so popular with the citizens, built in 1930–1937 (architect Noi Trotsky, who was commissioned to make a project of the OGPU (State Political Office) housing). And factory kitchens – in the Narvsky, Vasileostrovsky and Vyborgsky regions – all built in 1928-

1933 by Armen Barutchev, Isidor Gilter, Iosif Meerzon and Yakov Rubanchik.

The majority of American viewers could know nothing about these factory kitchens, nor could they even guess what they were and what they meant. The answer, satirical as it is, can be found in the Russian bestseller “Zavist” (“Envy”) by the famous Russian novelist Yury Olesha, published in 1927: his hero dreams of building a massive cafeteria that will service all the dining needs of the new society and “give [housewives] back the hours the kitchen has stolen from [them].” Once the slogan “industrialization of kitchens” is formulated, the development of the first-class Soviet vegetable cleaning machines has started. The great plan for the future kitchens is to be realized: to create potatoes that peel themselves.

But the wandering spirit of Richard Pare dragged him away from both Russia’s main cities to the provinces, and where they could do without factory kitchens. It was in the Russian provinces and in the former Soviet republics that Pare discovered real pearls of the architectural avant-garde.

Дворец печати.
Фрагмент

Palace of the press.
Detail

известно, не строить), запретить же людям видеть архитектурные объекты трудновато. Проще всего, как показал опыт, «нивелировать» их. Например, подлинны шедевры – памятники архитектуры 1920-х годов – ничего не стоит назвать «не представляющими ценности зданиями», исключить из одних и внести в совсем другие списки и тем самым отдать на милость немилосердному Хроносу, который их жадно поглотит, если еще не проглотил без остатка. Обрушившаяся крыша, облупленная штукатурка, безжалостная эксплуатация и неграмотные, бескультурные в архитектурном и строительном смысле «дополнения» в виде перепланировок, пристроек и надстроек – таков был приговор, вынесенный славной, если не великой, «эпохе революционного творчества и профессионального мастерства».

Приступив к подготовке материалов по советской модернистской архи-

Средняя школа имени
10-летия Октябрьской
революции.
Проспект Ленина, 53,
Иваново, Россия.
Арх. Василий Панков.
1926–1927

Tenth Anniversary
of the Revolution
Secondary School
53 Lenin Prospekt,
Ivanovo, Russia.
Vasilii Pankov. 1926–27

Наркомзем.
Ул. Садовая-Спасская,
11, Москва.
Арх. Алексей
Щусев. 1933

Narkomzem
11 Sadovaya-Spasskaya
Street, Moscow, Russia.
Alekssei Shchusev. 1933

тектуре, Ричард Пэйр начиная с 1993 года совершил несколько «экспедиционных» путешествий по территории бывшего СССР и сделал тысячи снимков. Ведомый здоровым любопытством, вооруженный глубокими познаниями в области мировой, и в частности советской, архитектуры, этот неутомимый архифотограф заставляет и неискушенных зрителей, и специалистов переосмыслить и заново открыть многие достижения в области гражданского и промышленного строительства того послереволюционного десятилетия, которое, казалось, было столь многообещающим, а стало «авангардом», остановленным на бегу», ныне – и вовсе «потерянным авангардом».

Экспозиция в Музее современного искусства начиналась с Москвы. Открывала ее знаменитая Шуховская башня: именно она вынесена на суперобложку альбома, выпущенного к нью-йоркской выставке Ричарда Пэйра (альбом, кстати, значительно шире музейной экспозиции). А вот Дом культуры им. С.М.Зуева, построенный в 1926 году по проекту Ильи Голосова; вот то, что осталось от жилого дома Наркомфина, возведенного в 1930 году по проекту Моисея Гинзбурга и Игнатия Милиниса. Тут же известные всему миру кочующие из каталога в каталог шедевры классиков архитектуры Константина Мельникова, братьев Весниных, Ле Корбюзье. Можно смело сказать, что одних только московских памятников архитектурного модернизма хватило бы на пухлую книгу. Продолжим перечень: Клуб им. И.В.Русакова, Клуб завода «Каучук», гараж Госплана, здание Центросоюза, Военно-политическая академия, студенческое общежитие Текстильной академии, Дом на Набережной... Дом Мельникова и Щусевский шедевр – Мавзоль Ленина представлены столь подробно, что получилась как бы выставка в выставке. Да, архитектурный модернизм одной только Москвы достоин отдельной экспозиции.

В северной столице Пэйр остался верен себе: ни Дворцовая набережная с Зимним дворцом, ни Михайловский замок, ни Стrogановский дворец его, в отличие от множества восхищенных туристов, не покорили, зато он не пренебрег ни довольно жалким на первый взгляд жилым фондом, ни популярными в прошлом учреждениями культуры и образования, ни разбросанными по городу допотопными индустриальными объектами легкой промышленности. Если конкретно, то Ричард Пэйр заснял построенную в 1925–1927 годах Эрехом Мендельсоном трикотажную фабрику «Красное Знамя», жилые дома на Тракторной улице (проект 1927 года Александра Никольского, Александра Гегелло и Григория Симо-

нова), любимый многими поколениями ленинградцев Дворец культуры им. С.М.Кирова (проект 1930–1937 годов архитектора Ноя Троцкого, которому доверили даже возведение здания ОГПУ на Литейном проспекте, правда, скорее в неоклассическом стиле, чем в авангарде), а заодно многочисленные фабрики-кухни – Василеостровскую, Выборгскую и Нарвскую (все построены в 1928–1933 годах по проекту Армена Барутчева, Исидора Гилтера, Иосифа Меерзона и Якова Рубанчика).

Кстати, почему именно фабрики-кухни? Что такое эти фабрики-кухни? Такими вопросами, думается, задавался американский зритель. Ответ находим у виртуозного и остроумного стилиста Юрия Олеши. В написанной в 1927 году повести «Зависть» он при рекламировании фабрик-кухонь не пожалел – на зависть всем женщинам-труженицам – ни красок, ни восклицательных знаков: «Женщины! Мы съдем с вас копыт, очистим ваши ноздри от дыма, уши – от галдежа, мы заставим картошку волшебю, в одно мгновение, сбрасывать с себя шкуру; мы вернем вам часы, украденные у вас кухней, – половину жизни получите вы обратно. Ты, молодая жена, варишь для мужа суп. И лужице супа отдаешь ты половину своего дня! Мы превратим ваши лужицы в сверкающие моря, ци разольем океаном, кашу насыплем курганами, глетчером поползет кисель! Слушайте, хозяйки, ждите! Мы обещаем вам: кафельный пол будет залит солнцем, будут гореть медные чаны, лилейной чистоты будут тарелки, молоко будет тяжелое, как ртуть, и такое поплывет благоухание от супа, что станет завидно цветам на столах».

Но дальше, дальше от столиц с кафельными полами, каждодневным солнечным светом, с ртутно-молочными реками и кисельными берегами: недаром Ричард Пэйр в одной из своих многочисленных ипостасей – специалист

Лестница жилого дома. Городок чекистов. Проспект Ленина, 69, Екатеринбург. Арх. Иван Антонов, Вениамин Соколов, Арсений Тумбасов. 1929–1936

Staircase. Chekist Housing Scheme. 69 Lenin Prospekt, Ekaterinburg, Russia. Ivan Antonov, Veniamin Sokolov, Arseni Tumbasov. 1929–36

The town of female weavers, Ivanovo – “the Red Manchester” – was one of his destinations. There in Ivanovo he features the Red Talka Textile Mill built in 1927–1929 (architects Boris Gladkov and Ivan Nikolaev); the first settlement for workers (1924–1926, architects Leonid Vesnin and the team of Standard company); the Tenth Anniversary of the Revolution Secondary School – the date of its erection is clear from the name (architect Vasily Pankov). Pare’s travels to Nizhny Novgorod resulted in a number of real discoveries in this former city of merchants: the residential block № 8 (1935–1937, Vesnin workshop, Nikolai Krasilnikov and Nikolai Poliudov); and the Chekist Communal house (1929–1932, architect Alexander Typikov) – a threatening view of dereliction...

In Ekaterinburg Pare pictures architectural monuments that are regarded as absolute masterpieces – first and foremost the Water Tower for the Socialist City of Uralmash (also called the “Be-

laya”, or white, tower), erected in 1929 by Moisei Reisher. Another attraction for the arch-photographer was the House of Justice (1929–1930, architect Sergei Zakharov) and the well-preserved Chekist Pousing Scheme (1929–1936, architects Ivan Antonov, Veniamin Sokolov, Arseny Tumbasov) whose plan mirrors the hammer and sickle. Its staircase forms a funnel (if we look down) or a crater (if we look up), with curves resembling those of the dollar bill sign.

The main attraction on the Black Sea coast was and still is Sochi, a major health resort of the USSR for high ranking military men, party functionaries and shock-workers, and nowadays a fashionable place for having a good and highly expensive rest. For Pare Sochi became another source of information on architectural modernism, since a number of the best architects realized their projects there: Alexei Shchusev with his Sanatorium for Army Officers; Alexander and Viktor Vesnin with their “Gorni

Vozdukh” (Mountainous Air) Sanatorium; Miron Merzhanov with his Voroshilov Sanatorium. They took advantage of spectacular hilltop sites on the coast of the Black Sea at Sochi.

Pare visited Ukraine, concentrating his attention on Kharkov and Kiev. In Kharkov he featured the world-famous building of Gosprom – the State House of Industry (1929, architects Sergei Serafimov, Mark Felger and Samuil Kravets). The project was to realize one of the great dreams of the builders of socialism. As Sergei Serafimov formulated it: “the house of state industry was to become a part of the organized world – a factory constructed like a palace.” Renowned foreign visitors were brought to Kharkov to see this construction and praise it to the utmost; among them were the French author Henrie Barbusse and American writer Theodore Dreiser who said he “saw a wonder in Kharkov”. Soviet writers were no less admiring – the great proletarian writer Maxim Gorky and great Soviet poet Vladimir Mayakovsky praised this “organized world”, and were really enthusiastic about it. The photograph of this construction is honoured by its appearance on the back cover of the catalogue. Pare’s “Kharkov” list included the Palace of Culture for Railway Workers (1927, architect Alexander Dmitriev), the Central Post Office (1928–1929, by Arkady Mordvinov), and the Automated Telephone Exchange (1930–1931, by P. Frolov).

Moving to Kiev Pare pictured the Soviet Doctors’ Housing Cooperative (1927–1930, by Pavel Aleshin); the apartment complex for militia personnel (1933–1935, by P.F. Savich); the Apartment Complex for Arsenal Plant Workers (c. 1935, by Iosif Karakis); the “Metallist” Palace of Culture for Bolshevik Plant Workers (1928–1932, by B. Moisevich) and the “Pishchevik” Club for Food Industry Workers (1931–1932, by Nikolai Shekhonin). Naturally, Pare focused his attention on the other object in Ukraine – on the famous DneproGES Dam and Power Station (constructed in 1927–1932, architects Alexander Vesnin, Nikolai Kolli, Georgy Orlov and Sergei Andrievskii) which was one of the biggest hydroelectric projects of its time and is still very impressive in scale.

Baku, the capital – as people used to say – of sunny Azerbaijan appeared to have many modernist architectural innovations. In the distant 1920s and 1930s such outstanding figures of Soviet architectural design as Semen Pen worked there. Pen was responsible for the project of the Palace of Press; Lev Ilin designed the Mountain Park; Anatoly Samoilov and Alexander Ivanitsky developed the housing project of the Shaumian Settlement; Gavriil Ter-Mikelov, the project of the Kirov Physiotherapy Institute; and Leonid

Дом технической учебы Кировского района. Площадь Стачек, Санкт-Петербург. Арх. Давид Кричевский, Александр Гегелло. 1931–1935

House of Technical Education of the Kirov District Stachek Square, St. Petersburg, Russia. David Krichevski, Aleksandr Gegello. 1931–35

по провинции. Там, правда, обходились по большей части без фабрик и без восхлительных знаков. Архифотографу удалось отснять жемчужины архитектурного авангарда и в российской провинции, и в странах СНГ.

Провинция представлена славным городом ткачих Иваново – «красным Манчестером» – и славным городом купцов и торговых ярмарок Нижним Новгородом. В Иваново Пэйр снимает прядильню «Красная Талка», построенную в 1927 году по проекту Бориса Гладкова и Ивана Николаева, и школу имени 10-летия Октябрьской революции (проект Василия Панкова), год возведения которой понятен из названия. А в Нижнем Новгороде – жилой дом постройки 1935–1937 годов, созданный в мастерской Веснина, но наделенный уже многими признаками надвигающейся сталинской архитектуры.

В Екатеринбурге засняты поистине блестящие объекты: водонапорная (ее еще называют «Белая») башня работы Моисея Рейшера (1929), любовно спроектированный Сергеем Захаровым Дворец правосудия (1929–1930) и прекрасно сохранившийся многоквартирный Дом чекиста (архитекторы Иван Антонов, Вениамин Соколов, Арсений Тумбасов, 1929–1936) с лестницей-воронкой (если смотреть сверху вниз), она же лестница-спираль (если смотреть снизу вверх), в одном из ракурсов «выписывающая» знак американского доллара – не иначе как недоглядели провинциальные чекисты.

Немало интересного открылось объективу архифотографа и на Черноморском побережье – главной здравнице советской державы. Для поправки здоровья военных и партийных руководителей и стахановцев в совет-

ское время строились комфортабельные санатории (как, например, запечатленные Пэйром «Горный воздух» и санаторий имени К.Е.Ворошилова, 1931–1933) и дома отдыха; проекты заказывались лучшим архитекторам – Алексею Щусеву, Александру и Виктору Весниным, Мирону Мерзханову. Своеобразный рельеф местности позволил им проявить свое незаурядное мастерство не только в проектировании зданий, но и в ландшафтной архитектуре.

Ричард Пэйр побывал и в индустриально-столичной Украине. Да и кто бы на его месте не запечатлел примечательнейшее здание харьковского Госпрома (архитекторы Сергей Серафимов, Марк Фельгер и Самуил Кравец, 1925–1929)? Сергей Серафимов признавался: «Дом Госпромышленности я пытался решить как частицу организованного мира, показать фабрику, завод, ставший дворцом». Свое восхищение Госпромом выразили Анри Барбюс и Теодор Драйзер, назвавший его «чудом, увиденным в Харькове». Не отстали и отечественные авторы: хвалебные отзывы об «организованном мире» Госпрома оставили Владимир Маяковский и Максим Горький. Да и сейчас, нельзя не признать, Госпром производит впечатление, без всякой натяжки, феерическое, недаром его изображение помещено на оборот суперобложки альбома.

В «харьковский список» Пэйра вошли еще и Дворец культуры железнодорожников, Главпочтамт и АТС. Перебравшись в Киев, Пэйр зафиксировал жилой дом врачей (1927–1930, кооператив «Советский врач») Павла Алешкина, жилой комплекс кооператива «Арсеналец» Иосифа Каракиса (ок. 1935), Дворец культуры «Металлист» (1928–1933) и клуб «Пищевик» (1931–1933). А в Запорожье, конечно же, объектом фотосъемки стала прославленная, в том числе и своей авангардной архитектурой, ДнепроГЭС (вспоминается чем-то соответствующее архитектурному ритму: «Человек сказал Днепру: / – Я стеной тебя запру./ Ты с вершины будешь прыгать./ Ты машины будешь двигать!»). Она была, как известно, построена с невероятным напряжением сил рабочих и инженеров в 1927–1932 годах по проекту Александра Веснина, Николая Колли, Георгия Орлова и Сергея Андриевского.

Много интересного открылось взору Пэйра в Баку, индустриальном центре Закавказья и столице «солнечного», как почему-то любили повторять в далекие журналисты, Азербайджана. В 1920-х и 1930-х годах там блистательно трудились такие известные архитекторы, как Семен Пен, построивший Дом печати; Лев Ильин, спроектировавший ландшафтный Нагорный

Vesnin – the architect of the Palace of Culture, Shaumian Works and Workers Club in Surakhany, a suburb of Baku.

As was stated by one of the organizers of the exhibition "The Lost Vanguard", Barry Bergdoll, "Pare's photographs capture a lost heroic, political, and architectural experiment. Many images depict daring architectural innovations in dynamic interiors with bold ramps, dramatic cantilevers, and double-glazing sys-

tems, which are startlingly advanced for their time. The forms also speak of aspirations for a new collectivized society, with institutions giving rise to unprecedented designs, particularly in projects for workers' clubs and collective housing." According to the guest curator of the exhibition Jean-Louis Cohen, "The photographic expeditions that Richard Pare led make it possible to measure the effect of time on places whose creators

Кировский райсовет.
Проспект Стачек, 18,
Санкт-Петербург.
Арх. Ной Троцкий.
1934

Kirov District Soviet
Building.
18 Stachek Prospekt.
St. Petersburg, Russia.
Noi Trotski. 1934

intended to break with the past. The rusted steel, the scarified concrete, and the cracking paint captured by the lens of Richard Pare remain that way, beyond any melancholy, as if animated by this past life in its hopes as in its illusions."

This exhibition, so topical for Russians who are witnessing the decay of the architectural monuments of the post-revolutionary epoch with indifference, demonstrated the result of the mutual creative activity of the best architects and engineers alongside the heroic efforts of construction workers, aiming to achieve a happy future in a happy state in which pragmatic functionality would co-exist with a new aesthetics, and harmonize with the new socialist life style.

On August 23 during my stay in New York I received an e-mail with the "Declaration of the Foundation Shukhovskaya Tower" issued to mark the 154th anniversary of the birth of Vladimir Shukhov, a great architect, engineer and scientist whose investigations and inventions merited universal acknowledgement, and a passionate photographer himself. The declaration appealed to the general public and state institutions to join efforts in order "to save and preserve the historical legacy of Russia"... The best constructions designed by Shukhov are threatened by inevitable destruction and decay. These are those "still alive": the Shukhovskaya Tower, the steel and glass roofs of the Pushkin Museum of Fine Arts, the Kiev Railway Station and Upper Trading Rows (GUM) – all in Moscow, and the tower on the Oka river.

The exhibition "The Lost Vanguard" is thus of indisputable significance. After New York Pare's pictures will travel to Moscow, and here they will undoubtedly arouse not only interest, but certainly attract the attention of all those interested in, and all those responsible for, the problems of preservation of this avant-garde architectural legacy.

On a final note: the last pages of the catalogue issued to mark Richard Pare's exhibition on Russian architectural modernism are given to the Lenin Mausoleum erected on Red Square in the very heart of Moscow. Does that hint at the obvious fate of avant-garde Soviet architecture - to be buried in public?

Выборгская
фабрика-кухня.
Большой
Сампсониевский
проспект, 45,
Санкт-Петербург.
Арх. Армен Барутчев,
Исидор Гильтер,
Иосиф Меерзон,
Яков Рубанчик.
1928-1933

Vyborg District Factory
Kitchen.
45 Bolshoi
Sampsonievski
Prospekt.
St. Petersburg, Russia.
Armen Barutchev,
Isidor Gilter,
Iosif Meerzon,
Iakov Rubanchik.
1928-33

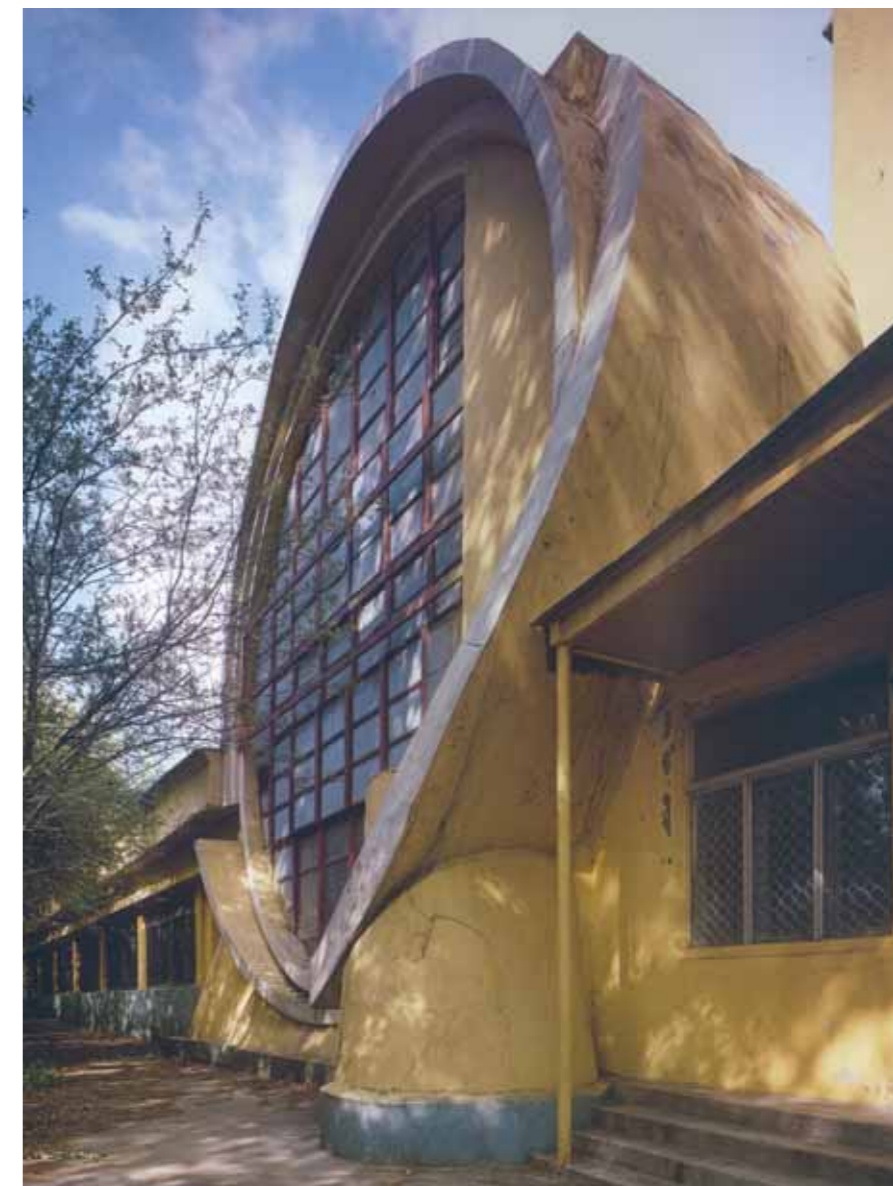
парк им. С.М.Кирова; Анатолий Самойлов и Александр Иваницкий – проектировщики поселка имени Шаумяна; Леонид Веснин – архитектор еще не полностью разрушившихся Дворца культуры им. Шаумяна (ныне переименованного, как и одноименный поселок) и клуба в тогдашнем индустриальном пригороде под названием «Черный город». Не прошел архифотограф и мимо давно уже фигурирующего в историко-архитектурных справочниках Института курортологии и физических методов лечения им. С.М.Кирова (архитектор Гавриил Термикелов, 1935).

Не берусь сказать, сколь много почерпнули посетившие выставку в Музее современного искусства иностранные специалисты, – подозреваю, что у них могло родиться немало идей, актуальных для еще не завершившейся эпохи постмодернизма. Это замечательно, а вот невероятно обидно другое: трудно не заметить, сколь убогий вид имеют (или имели в 1990-х годах, когда проводились «экспедиционные исследования» Ричарда Пэйра) большинство представленных экспонатов. Фотообъектив не щадит ни покосившиеся облупленные стены, ни скопившиеся под ними кучи мусора, ни ржавые металлоконструкции, ни жалкие выщербленные остатки когда-то немислимо чистых кафельных полов, ни выломанные и вывороченные бетонные плиты, ни художественно (иной раз) треснувшие либо давно и полностью выбитые стекла, без которых постройки обречены на разрушение. Сразу заметно, что большинство зданий, даже построенных великими мастерами, более никому не нужны: кажется, день-два и завалятся... Так что выставка работ Пэйра оказалась чрезвычайно актуальной для всех нас, с одной стороны, равнодушно проходящих мимо былых взлетов архитектурной мысли, инженерного расчета и строительного мастерства, а с другой – испытывающих чувство законной гордости от того, какие всемирно признанные таланты родились и истово трудились на благо светлого, как им казалось, будущего, в котором прагматичная функциональность будет гармонично ужиться с новой эстетикой и гармоничным стилем жизни.

23 августа, еще будучи в Нью-Йорке, знакомлюсь с Заявлением Фонда «Шуховская башня», приуроченным к совсем не круглой дате – 154-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Шухова, великого инженера и ученого, чьи разработки и изобретения принесли российской инженерной школе мировое признание. Фонд «призывает общественность и государственные структуры объединить свои усилия для сохранения оригинального исторического наследия

Гараж Госплана.
Ул. Авиамоторная, 63,
Москва.
Арх. Константин
Мельников,
В.И.Курочкин. 1936

Gosplan Garage.
63 Aviamotornaya
Street, Moscow, Russia.
Konstantin Melnikov
with V.I.Kurochkin,
1936

Квартира Дома
Наркомфина.
Новинский бульвар,
25, Москва.
Арх. Моисей Гинзбург,
Игнатий Милинис.
1930

Apartment.
Narkomfin
Communal House.
25 Novinski Boulevard,
Moscow, Russia
Moisei Ginzburg and
Ignati Milinisi. 1930

России». Лучшим творениям Шухова, сохранившимся до наших дней – а это и сама знаменитая радиобашня, и уникальные светопрозрачные перекрытия здания ГМИИ им. А.С.Пушкина, Киевского вокзала и ГУМА в Москве, и 128-

метровая гиперболоидная башня-опора высоковольтной ЛЭП НигРЭС через Оку под Нижним Новгородом, – грозят неминуемое разрушение или некомпетентная замена строительными «новоделами».

Следы многочисленных разрушений явственно видны на большинстве сделанных Пэйром снимках – на них восхищение талантом и мастерством зодчих смешивается с горечью от людского и государственного небрежения. Так что планируемый показ выставки «Потерянный авангард: советская модернистская архитектура. 1922-1932» в Москве, безусловно, должен привлечь внимание к проблемам сохранения архитектурного наследия авангарда.

А proros: Альбом, посвященный архитектурному модернизму и выпущенный к выставке Ричарда Пэйра, заканчивается ничем иным, как серией фотографий Мавзолея В.И.Ленина на Красной площади. Не намек ли это на судьбу авангардной советской архитектуры?

